

До того памятного пира Чу Чжаохуай, хоть и получал порой от Цзи Сюня колкие ответы, зла не держал. Будучи человеком кротким и никогда прежде не встречавшимся с подобной манерой — ранить словом, облеченным в нежность, — он находил это даже забавным.

Но теперь ядовитый сарказм князя задел его за живое. Внутри у юноши, которого за покладистый нрав впору было прозвать «глиняным человечком», внезапно вспыхнуло пламя гнева. Он с силой хлопнул ладонью по стенке кареты — так, что ладонь обожгло болью, но он лишь крепче сжал зубы, не позволяя себе поморщиться.

— Остановите!

Инь Чжуншань в нерешительности придержал коней.

— Куда ты собрался? — осведомился Цзи Сюнь.

Ванфэй ответил с каменным лицом:

— Пойду подставляюсь тому волку. Пусть сожрет.

Цзи Сюнь: «...»

Князь едва заметно нахмурился:

— Не дури. Сиди на месте.

Но Чжаохуай и не думал слушаться. Он рванул занавеску и уже собрался выбраться наружу.

Цзи Сюнь негромко цыкнул и, протянув руку, мертвой хваткой вцепился в запястье супруга.

Чу Чжаохуай был слишком легким. Его белоснежное манто взметнулось, точно крылья испуганной бабочки, когда его бесцеремонно дернули обратно к Цзи Сюню. Ванье, судя по всему, до этого что-то писал: от его широких рукавов повеяло свежим ароматом едва просохшей туши.

Юноша опешил.

Цзи Сюнь, одетый лишь в легкое платье, был горяч, точно раскаленная печь, но пальцы его оставались холодными, как лед. Князь обхватил его запястье так легко, будто кольцом, и в этот миг Чжаохуай кожей ощутил исходящую от него властность — ту самую мощь истинного

правителя, которую он прежде старался не замечать. Она окутала его целиком, не оставляя пространства для маневра.

Чжаохуай вздрогнул. Впервые этот мужчина вызвал у него безотчетное отторжение и чувство опасности. Всё его существо буквально ошетинилось.

— Что вы...

Договорить он не успел. Прямо над ухом раздался резкий свист.

Звяк!

Шальная стрела пробила плотную занавеску и вонзилась точно в то место, где мгновение назад сидел Чу Чжаохуай. Опоздай Цзи Сюнь хоть на миг, и юношу прошло бы насквозь.

Ванфэй застыл, не веря своим глазам.

Снаружи заржали кони, и со всех сторон донесся нарастающий топот копыт. В этом хаосе отчетливо прозвучал звонкий вопль Цзи И:

— Убийцы! Лян Фан, гляди, настоящие убийцы! Их так много, ха-ха-ха!

Инь Чжуншань резко натянул поводья, останавливая экипаж.

От неожиданного толчка Чу Чжаохуай не удержался и кубарем полетел прямо в объятия Цзи Сюня. Тонкий лекарственный аромат, исходивший от юноши, точно невидимые шелковые нити, начал проникать князю в самую душу.

Цзи Сюнь едва заметно сжал пальцы.

Чжаохуай в оцепенении смотрел на оперение стрелы. В затуманенном сознании всплыл день их свадьбы: Цзи Сюнь тогда точно так же схватил его за руку, уберегая от холодного блеска клинка.

И вот сегодня — снова туча стрел...

Но ведь не будь рядом Цзи Сюня, ему бы и вовсе не пришлось через всё это проходить.

Хватка князя была ледяной и стальной. Заметив, что юноша замер, точно изваяние, Цзи Сюнь нахмурился:

— Напуган?

Чжаохуай не нашел слов для ответа.

Снаружи донесся голос Инь Чжуншаня:

— Ванье, эти люди...

Кровь в канун Нового года, да еще по пути в храм — дурное предзнаменование.

Цзи Сюнь даже глаз не поднял. Он бросил коротко и буднично:

— Перебить.

— ...Слушаюсь.

Усадьба Цзин-вана отправилась в путь с помпой, взяв с собой многочисленную личную гвардию. Не прошло и четверти часа, как нападавшие были уничтожены. В холодном воздухе горного леса отчетливо потянуло запахом крови.

К тому времени, как они миновали городские предместья, небо окончательно потемнело.

Командующий вытер кровь с меча с золотой обмоткой и снова занял свое место на козлах, ожидая приказа двигаться дальше. До его слуха донеслись отголоски недавнего происшествия. Инь Чжуншань был уверен: князь совершил подвиг, спас красавца, в решительном броске подхватил Ванфэй и, крутанувшись в воздухе, прижал к груди, укрывая от гибели.

Наверняка гнев Ванфэй угас, и он больше не захочет покидать карету...

Едва он об этом подумал, как шторка, пробитая стрелой, резко распахнулась.

Ноги Чу Чжаохуая дрожали так сильно, что он скорее выполз, чем вышел наружу. Упершись руками в край, он из последних сил пытался сохранить достоинство. Его взгляд встретился с ошеломленным взором Инь Чжуншаня.

Тот невольно заглянул внутрь, на Цзи Сюня.

«Как же так? — подумал командующий. — Разве это не было спасением прекрасного юноши? Неужто Ванье снова ляпнул что-то язвительное и довел его до белого каления? Вроде же тихо было...»

Цзи Сюнь сидел в глубине кареты, не пытаясь ни остановить юношу, ни позвать его обратно.

Чжаохуай, едва не задохнувшись от возмущения, спрыгнул с подножки. Инь Чжуншань, испугавшись, что тот расшибется с непривычки, поспешил его подхватить.

С таким хрупким телосложением подобный прыжок мог закончиться плачевно.

Гвардейцы мигом подкатали ступеньку, и командующий почтительно помог Чу Чжаохуаю спуститься.

Манто юноши развевалось на ветру, пока он почти бегом направлялся к следующему экипажу. Он готов был терпеть соседство волка, лишь бы не оставаться с Цзи Сюнем ни секундой дольше.

Инь Чжуншань в замешательстве обернулся:

— Ванье...

Князь долго молчал, а затем коротко свистнул.

Карета позади качнулась, и Лю Чу, радостно взвизгнув, выскочил наружу и во весь опор помчался к хозяину.

Чу Чжаохуай на миг замер. Ему показалось, что Цзи Сюню стало не по себе от того, что его бросили, и он решил натравить на него зверя, чтобы заставить вернуться и снова выслушивать гадости.

Инь Чжуншань, зная о страхе Ванфэй, в несколько шагов преградил волку путь.

Но Лю Чу даже не взглянул на него. Он пронесся мимо и стрелой влетел в карету Цзи Сюня.

Чжаохуай, всё еще содрогаясь, попытался выровнять дыхание. Он сделал шаг вперед, но ноги подвели его, и он едва не упал.

Командующий подхватил его под локоть:

— Ванфэй?

Лоб юноши был покрыт холодным потом. Он выдавил бледную улыбку, тихо поблагодарил Инь Чжуншаня и с его помощью вскарабкался в экипаж Лян Фана.

Цзи И и Лян Фан, лишившиеся жаровни по воле командующего, сидели там, скорчившись и прижавшись друг к другу, чтобы хоть как-то согреться.

У Шицзы от холода уже покраснел кончик носа. Увидев вошедшего Чжаохуая, он шмыгнул носом и с надеждой воскликнул:

— Ванфэй наверняка вернулся с триумфом и нашей жаровней! Ведь так? Ну скажи же, что так!

Лян Фан сидел с отсутствующим взглядом, привалившись головой к плечу Цзи И, и бесцветным голосом бормотал:

— О... кажется, я вижу своего покойного батюшку...

Цзи И:

— Лян Фан! Лян Фан, держись, не смей помирать!

Путь до храма Хуго был неблизким. Лян Фан взял с собой лишь одну жаровню, а поскольку на улице окончательно стемнело и завывал ледяной ветер, двое изнеженных юношей продрогли до костей.

Чу Чжаохуай промолчал. Он тихо устроился рядом с ними, не проронив ни слова.

Он только что открыто выказал свое недовольство Великому князю. Цзи Сюнь, скорее всего, только и ждал, когда юноша замерзнет до полусмерти, чтобы всласть посмеяться. С чего бы ему возвращать тепло?

Карета еще не тронулась с места, и пока Чжаохуай недоумевал, Инь Чжуншань вернулся. С предельно серьезным видом он внес в экипаж жаровню.

Волна тепла мгновенно разогнала ледяную стужу.

Цзи И едва не разрыдался от счастья:

— Я знал! Знал, что отец всё еще любит меня! У-у-у... Лян Фан, очнись, нам ниспослали огонь небесный!

Командующий поставил жаровню и украдкой взглянул на лицо Чу Чжаохуая.

Тот никак не отреагировал. Он лишь вытащил из рукава иглу и ловким, почти невесомым движением уколол Лян Фана. Собеседник, уже собиравшийся отойти в мир иной, резко

вскинулся.

— Кажется, отец только что отвесил мне оплеуху...

Цзи И, дрожа у огня, пробормотал:

— Твой отец вроде еще жив-здоров. Ты так говоришь, будто он представился восемь сотен лет назад.

Лян Фан, едва дыша, ответил:

— Всё одно. Всё равно не видимся.

Чу Чжаохуай убрал иглу и присел у огня. Заметив, что Инь Чжуншань всё еще стоит в дверях, он удивленно спросил:

— Командующий Инь хочет присесть к нам?

Тот лишь поспешно откланялся и вышел.

Вскоре кавалькада медленно продолжила путь к храму Хуго.

Цзи И и Лян Фан наконец отогрелись. Ванфэй же рассеянно смотрел на угли. Его ресницы подрагивали, а в ясных глазах отражалось сияние огня, дробясь на тысячи мелких искр.

Цзи И, поглядывая на него, не выдержал и, откашлявшись, спросил:

— Ты... не в духе?

Чу Чжаохуай качнул головой:

— Нет.

На самом деле он думал лишь о том, как ему вырваться из усадьбы Цзин-вана.

Цзи И снова кашлянул и пододвинул ему тарелку с цукатами:

— Храм Хуго — место священное. Говорят, молитвы там сбываются беспрекословно. У тебя есть какое-нибудь заветное желание?

«Если я пожелаю смерти твоему папаше, это будет считаться?»

— мрачно подумал Чжаохуай.

— Ты не думай, это не пустые слова, — продолжал Цзи И, уплетая сладости. — Несколько лет назад Великая княжна лишилась рассудка. Кидалась на людей с мечом, никого не узнавала. Так вот, монахи из Хуго провели обряд, и вскоре она поправилась. Я вчера, когда бился за право поднести первую палочку благовоний, слышал, что самую высокую цену предложили как раз из её усадьбы. Потому и отступил.

Лян Фан, всё еще вяло привалившийся к стенке, протянул юноше чашку горячего чая и прошелестел:

— Ты уверен, что у тебя просто не кончились деньги?

Цзи И: «...»

Чу Чжаохуай невольно улыбнулся, глядя на сконфуженного Шицзы:

— А почему за право зажечь первую палочку благовоний нужно платить?

— Ну, это большая редкость, — Цзи И покраснел и потер нос. — Древнейший храм в Поднебесной. Считается, что у первых благовоний самая большая благодать. Настоятель там — тот еще делец. Говорит, кто больше даст, тот и получит право поднести огонь Будде, а деньги пойдут на позолоту статуй. Столичная знать за это право готова глотки друг другу перегрызть. В прошлом году, помнится, отдали то ли сто семьдесят, то ли сто восемьдесят тысяч... В общем, меньше двухсот не бывает.

Чжаохуай поперхнулся чаем:

— Кха-кха!

Он долго не мог отдышаться, а когда наконец пришел в себя, переспросил с нескрываемым ужасом:

— Ско... сколько?

— Осторожнее, не подавись, — удивился Цзи И. — Двести тысяч ланов. Для моего отца это не такие уж великие деньги.

Чу Чжаохуай долго молчал. Затем, натянув на лицо вежливую улыбку, произнес ровным,

безжизненным голосом:

— Как чудесно. Двести тысяч... А я-то испугался, что двести тысяч и один лан. Всё в порядке, просто замечательно.

Цзи И переглянулся с Лян Фаном и нерешительно спросил:

— Мне кажется, или он сейчас язвит?

Лян Фан изумился:

— Неужто Шицзы это понял?

Цзи И: «...»

Отголоски возмущенного вопля «Ну всё, я вам сейчас покажу!» донеслись из задней кареты до самого начала колонны, перемежаясь со звонким смехом Ванфэй. Инь Чжуншань почувствовал, как по спине пробежал холодок от неловкости.

Только что, пока Чжаохуай ехал с князем, он хранил ледяное молчание и холодную отстраненность, шарахаясь от господина как от чумы. Атмосфера в карете была холоднее, чем на улице.

А теперь — посмотрите-ка — стоит ему пересечь, как смех разливается по всей округе.

Командующий не смел и слова проронить, сосредоточенно правя лошадьми.

Чжоу Хуань, объехав дозорных и убедившись, что опасности нет, пристроился рядом с ним:

— Наш Ванье — истинный чудесник. Умеет же он ладить с Ванфэй! Стоило мне отлучиться, а тот уже заливается смехом.

Инь Чжуншань: «...»

Он был просто потрясен. Откуда у этого человека такой редкий талант — каждым своим словом бить мимо цели, да еще и с таким апломбом?

Опасаясь, что князь действительно разгневается, Инь Чжуншань хлестнул коня Чжоу Хуаня плетью:

— Пошел! Продолжай дозор.

— Эй-эй-эй! — только и успел выкрикнуть тот, уносимый лошадью вперед.

Цзи Сюнь обычно не принимал близко к сердцу слова прямолинейного Чжоу Хуаня. Из его кареты доносилось лишь мерное сопение Лю Чу.

Инь Чжуншань, боясь даже вздохнуть, продолжал путь в тревожном ожидании.

Больше нападений не было. Дорога оказалась спокойной, и вскоре они достигли подножия горы. Там все пересели в паланкины и спустя некоторое время, еще до часа Пса, вошли в ворота храма Хуго.

Храм Хуго

Храм Хуго — первая святыня Поднебесной, стоявшая на вершине древней горы более восьми веков.

Всю прошлую ночь шел снег. Окруженный белоснежным саваном, величественный храм предстал перед ними во всем своем великолепии. Резкий запах снега смешивался с ароматом горящих благовоний, создавая атмосферу глубокого покоя.

Чу Чжаохуай вышел из паланкина и задрал голову, любясь залитой золотым сиянием обителью.

Древние деревья уходили кронами в самые небеса. Снег пушистыми шапками лежал на загнутых карнизах крыш, скрытых в сумерках. Чистый перезвон золотых колокольчиков пугал задремавших птиц. Каждое мгновение здесь было пропитано духом чань.

Донг... Донг...

Протяжно зазвучал колокол.

Юноша выдохнул облачко пара.

По пути он думал, что человек, отдавший двести тысяч ланов за право поднести благовония, — просто набитый дурак, сорящий деньгами. Но теперь, оказавшись здесь, он начал понимать, почему люди готовы на любые траты ради этого места.

Казалось, в этих стенах и впрямь живут боги.

Пока он восторгался величием храма, до его слуха донесся скрип колес.

Звук, возвещающий о прибытии того самого «транжиры».

Чжаохуай мигом перестал улыбаться и, опустив глаза, отступил в сторону.

Но едва кресло поравнялось с ним, лениво взиравший на окрестности Цзи Сюнь внезапно протянул руку и крепко сжал левую ладонь юноши.

Чжаохуай, ведомый за руку, успел сделать два шага, прежде чем пришел в себя. Он округлил глаза и попытался вырваться:

— Ванъе!

Соблюдайте приличия!

— Сначала отдохнем в келье, — Цзи Сюнь выглядел расслабленным, но ладонь юноши не выпускал. — Когда наступит час Крысы, пойдем в главный зал зажигать благовония.

В храме было многолюдно, и Чу Чжаохуай, не желая устраивать сцену на глазах у всех, вынужден был покорно следовать за ним.

Когда Цзин-ван внезапно пожелал прибыть в храм Хуго, настоятель и монахи поначалу приняли это за пустой слух. Лишь когда гвардейцы прибыли заранее, чтобы подготовить покои, монахи поверили и в спешке начали приготовления.

Чжаохуай угрюмо шел следом за князем, принимая поклоны. Скользнув взглядом по стоящим перед ним монахам, он мысленно охнул.

Святые отцы были как на подбор — рослые, плечистые, на каждого приходилось смотреть снизу вверх. Лица их были суровы, а тела напряжены так, будто они не встречали гостя, а готовились к обороне.

Ванфэй, не привыкший к такому приему, попятился.

Цзи Сюнь лениво прощупал пальцами частивший пульс юноши и холодно бросил монахам:

— К чему этот воинственный вид? Храм ваш не из золотых слитков сложен. Неужто вы думаете, что я прикажу снести вашу лачугу и пустить бревна на продажу?

Монахи: «...»

Чу Чжаохуай: «...»

«Ну конечно... Не зря они выставили самых крепких бойцов для встречи. Заслужил»

Монахи обладали отменной выдержкой. Ни один и бровью не поел — они почтительно сопровождали Цзи Сюня внутрь.

Покои в храме Хуго вовсе не были суровыми или бедными. Комната оказалась просторной и изысканно обставленной, но была в ней лишь одна кровать.

У Чу Чжаохуая внутри всё похолодело.

«Даже если Цзи Сюнь и безумец, он ведь не посмеет... здесь, в обители Будды, под взором всех божеств?»

Пока он предавался тревожным мыслям, Цзи Сюнь внезапно произнес:

— Не посмею.

Чжаохуай вздрогнул. На миг ему показалось, что он произнес свои опасения вслух.

Князь отпустил его руку и с едва заметной усмешкой добавил:

— Ванфэй может не беспокоиться. Я не настолько погряз в пороке.

Юноша покраснел:

— Я... я вовсе об этом не думал.

Цзи Сюнь тихо рассмеялся. Голос его звучал мягко:

— Конечно. Мой Ванфэй чист помыслами. Стоило ему увидеть кровать, как дыхание перехватило, зрачки расширились, а пульс зачастил так, будто он ведет полки в атаку. Это я, ничтожный, сужу о благородном человеке по своей испорченности.

Чу Чжаохуай: «...»

Ванфэй, чьи уши пылали огнем, попытался вернуть себе самообладание:

— Хорошо, что Ванъе это понимает.

Цзи Сюнь: «...»

— Ох...

Инь Чжуншань, вносивший жаровню, споткнулся о порог. С прискорбием на лице он поставил угли, откланялся и поспешно вышел. По его виду казалось, что он — воин, отправляющийся на верную смерть.

Вскоре снаружи донесся недоуменный голос Чжоу Хуаня:

— Чжуншань, ты чего улыбишься? Падучая приключилась?

Инь Чжуншань: «...»

Цзи Сюнь бросил холодный взгляд на дверь и тронул колесо кресла.

Чжаохуай решил, что князь собирается уйти в другие покои, и уже готов был проводить его радостным взглядом.

...Но Цзи Сюнь просто подъехал к кровати, оперся руками о край и ловко перебрался на постель, явно намереваясь отойти ко сну.

Чу Чжаохуай: «?»

«А как же — не погряз в пороке?!»

Ванъе посмотрел на него и спокойно спросил:

— Ванфэй не собирается лечь?

Чжаохуай, пытаясь сохранить лицо, выпалил:

— Ванфэй не собирается... то есть, я... я как раз вспомнил, что у меня есть важное дело к Шицзы. Не смею тревожить покой Ванъе.

И с этими словами он, точно перепуганный заяц, выскочил за дверь.

Цзи Сюнь долго смотрел на полуприкрытую дверь, а затем медленно улыбнулся.

Чжоу Хуань у входа хохотнул:

— А Ванфэй-то и впрямь шустрый, ха-ха-ха!

Инь Чжуншань поспешно закрыл дверь и сердито прикрикнул на него:

— Заткнись, если не умеешь говорить вовремя.

Чжоу Хуань понизил голос, но в нем всё еще слышалось недоумение:

— Чжуншань, нешто княжеская забывчивость и на тебя перекинулась? «Всяк любит доброе слово, хвали — не прогадаешь», — не твои ли это слова?

Командующий сокрушенно вздохнул:

— Но нужно же понимать, когда хвалить!

— А что не так?

— Слепому видно, что Ванфэй всё еще в обиде на господина, — Инь Чжуншань присел у дверей и принялся втолковывать бестолковому товарищу, пока князь его и впрямь не прибил. — Ты сам-то подумай: хоть одно твое слово порадовало Ванье?

— Так я же только и делаю, что хвалю! А то, что Ванфэй злится — так я тут при чем? — Чжоу Хуань никак не мог взять в толк. — Да и чего ему злиться-то? В родном доме его в грош не ставили, а теперь Чу Цзин и Чу Чжаоцзян получили по заслугам. Радоваться надо!

Инь Чжуншань схватился за голову. Говорить было бесполезно.

Чжоу Хуань долго морщил лоб и вдруг выдал:

— Я понял!

Командующий с надеждой посмотрел на него. Ну же, говори.

— Ванфэй, верно, влюблен в господина, — торжественно провозгласил Чжоу Хуань.

Инь Чжуншань: «...» Что?!

— Будь я влюблен, а меня бы пешкой в игре выставили... Пусть даже мне от того польза — всё равно бы сердце болело, — собеседник так обрадовался своей догадке, что так и сиял. — Ванфэй наверняка по уши влюблен в Ванье. Вот и злится — от великой любви, как в книжках пишут.

Инь Чжуншань: «...»

«Где ты такие книжки нашёл?!»

У бедного командующего разболелась голова:

— Шел бы ты... дозором.

Не ровен час, князь услышит этот бред и лишит оболдуя жалованья на пару лет.

Едва он об этом подумал, как дверь со скрипом отворилась.

На пороге стоял Цзи Сюнь и холодно взирал на подчиненных.

Инь Чжуншань и Чжоу Хуань мигом вскочили и склонились в поклоне:

— Какие будут приказания, Ванье?

— Ты — лишаешься жалованья на год.

Лицо командующего дернулось, но он покорно принял кару.

Он уже ждал, когда князь накажет и длинный язык Чжоу Хуаня, но Цзи Сюнь, набросив черный плащ и скрыв лицо под глубоким капюшоном, молча прошел мимо, не сказав тому ни слова.

Инь Чжуншань онемел от такой несправедливости.

Чжоу Хуань посмотрел на него с сочувствием:

— Бедняга... За что тебя опять? Наверное, снова ляпнул что-то не то и разгневал Ванье?

Инь Чжуншань: «...»

«Во всём мире ты — единственный, кто не имеет права это говорить!»

Чу Чжаохуай устроился в покоях Цзи И, слушая их неторопливую беседу.

Все трое были почти ровесниками, и разговор зашел о делах житейских. Не будь положение Ванфэй столь двусмысленным, он бы с радостью остался здесь на всю ночь.

Цзи И и Лян Фан переговаривались об учебе в Гоцзыцзяне. Чжаохуай мало что смыслил в науках, а потому сидел у жаровни, обняв колени, и постепенно проваливался в дрему.

Внезапно раздался щелчок — будто окно снаружи открыли. Юноша вскинулся и увидел, как несколько теней скользнули внутрь и быстрым шагом направились к ним.

Цзи И и Лян Фан даже не шелохнулись.

Чжаохуай же среагировал мгновенно: рука его скользнула в рукав, готовая распылить ядовитый порошок.

Но вошедшие, едва приблизившись, дружно рухнули на колени перед Лян Фаном.

— Шицзы! — почтительно произнесли они.

Лян Фан остался невозмутим. Он лишь мягко произнес:

— Бо Шу, не нужно церемоний.

Старший из вошедших сорвал маску. На суровом лице с густыми бровями блестели слезы.

— Шицзы пришлось несладко. Ванье в Юаньчуани, прознав о бедах, велел нам найти случай и вызволить вас. Больше никто не посмеет вас обидеть!

Цзи И окончательно проснулся:

— Это тайная стража твоего отца?

— Да.

Мужчина, которого звали Бо Шу, заметил настороженного Чу Чжаохуая и внезапно отвесил ему земной поклон. Лоб его с глухим стуком коснулся пола, отчего юноша вздрогнул.

— Шэньи Чу! Ванье в Юаньчуани был безмерно рад известию о вашем искусстве. Вы — спаситель нашего Шицзы, а значит, и всей нашей области. Коли нужда придет — только прикажите, мы жизни за вас положим!

Чжаохуай поспешно отступил в сторону. Он никогда прежде не видел подобного почтения.

— П-поднимитесь... — пробормотал он.

Лян Фан помог воинам встать:

— Не пугайте лекаря.

Бо Шу, кряжистый вояка, поспешно отступил на несколько шагов и заговорил тише:

— Простите мою грубость, Шэньи.

Чжаохуая еще никто так уважительно не величал «Шэньи». Его брови невольно взлетели вверх от гордости, но он постарался сохранить невозмутимый вид:

— Пустяки... мой долг.

— Шэньи, — продолжал Бо Шу, — не надобно ли вам золота, редких снадобий или, быть может, усадьбу какую? Шэньи, только скажите...

Чу Чжаохуай: «...»

От этого бесконечного «Шэньи» у Чжаохуая голова пошла кругом. Он всё ниже опускал голову, пытаясь скрыть смущение.

— Не нужно... ничего не нужно.

Но едва произнеся это, он замер.

«Постойте... Судя по их словам, у Лян Фана, хоть он и заложник, есть способ сбежать из столицы. А как же он? Может, он тоже сможет уйти с ними?»

Сердце Чжаохуая пропустило удар.

Бо Шу рассыпался в благодарностях:

— Если что понадобится — только слово замолвите.

Чжаохуай поджал губы, не решаясь действовать опрометчиво:

— Благодарю за доброту.

Бо Шу и Лян Фан явно собирались обсудить важные дела. Поскольку час Крысы был уже близок, юноша поднялся и вместе с Цзи И направился к главному залу.

Празднование поднесения первых благовоний в храме Хуго было обставлено с невероятной пышностью. Монахи в расшитых ризах начали торжественную службу. Дым заполнял сумерки, точно густой туман.

Вскоре пробил час.

Колокол храма огласил горы двенадцатью ударами. Эхо разносилось на десятки ли, поднимая в небо стаи птиц.

Для Чу Чжаохуая всё было в новинку. Он с восторгом оглядывался по сторонам, и глаза его сияли.

Цзи И поначалу сам горел желанием поднести первые благовония, но, увидев восторженное лицо Ванфэй, вдруг передумал.

Когда настоятель со свитой подошел к ним, Шицзы кашлянул и громко объявил:

— У меня и так всего в достатке, даже просить нечего. Пожалуй, уступлю право поднести первые благовония нашей Ванфэй.

Чжаохуай изумленно воззрился на него.

Двести тысяч ланов — и вот так просто отдать? Этот парень был транжирой почище отца.

Настоятель, старец глубоко почтенный, но с ясным взглядом истинного мудреца, погладил седую бороду и с улыбкой произнес:

— Шицзы напрасно беспокоится. Цзин-ван распорядился заранее: первые благовония должен поднести именно Ванфэй.

Цзи И: «...»

Улыбка застыла на лице Шицзы. Он пошатнулся и едва не упал. В глазах его стояли слезы разочарования. Неужто он больше не любимый сын своего отца?

Чжаохуай тоже был в растерянности. Ему совсем не хотелось принимать такие милости от Цзи Сюня. Он замялся:

— А я могу... отказаться?

— Разумеется, — кивнул настоятель. — Князь велел передать: Ванфэй волен поступать, как ему заблагорассудится. Силой принуждать не станем.

Юноша облегченно выдохнул.

Настоятель добавил:

— Однако в грамоте уже записаны имя и дата рождения подносителя, служба идет. Если сейчас всё изменить, это может дурно сказаться на любви, удаче и богатстве Ванфэй в новом году...

Не успел старец договорить, как при слове «богатство» Чу Чжаохуай резко развернулся.

— Менять что-либо сейчас — значит проявить неуважение к богам! — твердо произнес он. — Прошу вас, настоятель, ведите.

Цзи И: «...»

«Что-то я не слышал, чтобы имя нельзя было поменять...» — подумал Шицзы.

Неужто старый лис просто водит Чжаохуая за нос?

Монахи в величественном зале начали распевать сутры, ударяя в ритуальные инструменты. Глубокие, торжественные голоса наполняли пространство духом чань.

Настоятель подвел Чу Чжаохуая к алтарю. Тот, благоговейно держа палочки обеими руками, совершил поклоны на все четыре стороны света и, наконец, низко склонился перед золотым изваянием Будды.

Всё было как при обычном молении, но пение хоров и торжественность момента придавали обряду особую силу.

Не прошло и четверти часа, как двести тысяч ланов обратились в дым.

Когда они вышли из зала, Цзи И тут же подскочил к нему:

— Ну! Что ты загадал?

Чжаохуай поджал губы:

— Не скажу.

— Если не скажешь, как же я узнаю, правду ли говорят о чудесах этого храма? Стоили ли отцовские деньги того?

Но Ванфэй хранил молчание.

Цзи И, несмотря на свою бесшабашность, был человеком чутким. Видя, что юноша не хочет делиться сокровенным, он не стал настаивать, хоть и сгорал от любопытства.

Он потащил супруга князя к боковому приделу:

— Идем! Хоть жребий вытянем.

Чжаохуай всегда питал слабость к предсказаниям, а потому с радостью позволил увлечь себя.

Час Крысы только миновал, и большинство гостей еще толпилось в главном зале. В приделе было почти пусто.

Цзи И спросил:

— О чем будешь вопрошать?

На этот раз Чжаохуай скрывать не стал. Он уже хотел было сказать «о богатстве», но внезапно вспомнил о тех двухстах тысячах, что потратил Цзи Сюнь. Поколебавшись, он произнес:

— Попрошу здоровья для Ванъе.

Шицзы вскинул брови:

— Ты же вроде с ним в ссоре?

Юноша промолчал.

Он трижды склонился на расшитом коврике, взял в руки тубус с палочками и закрыл глаза.

Сначала он хотел спросить прямо о Цзи Сюне, но потом передумал. Будет ли князь здоров и проживет ли долго — это, скорее, зависит от искусства самого лекаря, а не от милости богов.

Чжаохуай не был гордецом, но после всех этих величаний «Шэньи» он немного приободрился и начал рассуждать иначе.

«Пусть Цзи Сюню и нет до меня дела, но ради тех двухсот тысяч я, так и быть, возьмусь вывести яд из его тела»

А потому он решил не тратить шанс впустую и спросил о другом.

Он хотел знать, суждено ли ему до конца дней томиться в столице, в стенах усадьбы. Неужели Цзи Сюнь так никогда его и не отпустит?

Крок, krok, krok...

Палочки в тубусе зашумели, точно горох на сковороде, пока одна из них с легким стуком не выпала на пол.

Чу Чжаохуай сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле. Дрожащей рукой он поднял жребий.

Текст гласил: «Небо не благоволит, время не пришло» □.

У Ванфэй защипало в глазах. Он едва не разрыдался.

В тени придела гвардеец лизнул кончик кисти и быстро вывел строку в новых «Записках о ванфэй»:

«Тянул жребий в боковом приделе. Просил здоровья для Ванъе. Выпал семьдесят пятый жребий — низший из худших. Ванфэй в глубокой печали, проливает слезы, сердце его

разбито».

<http://bllate.org/book/15341/1373435>